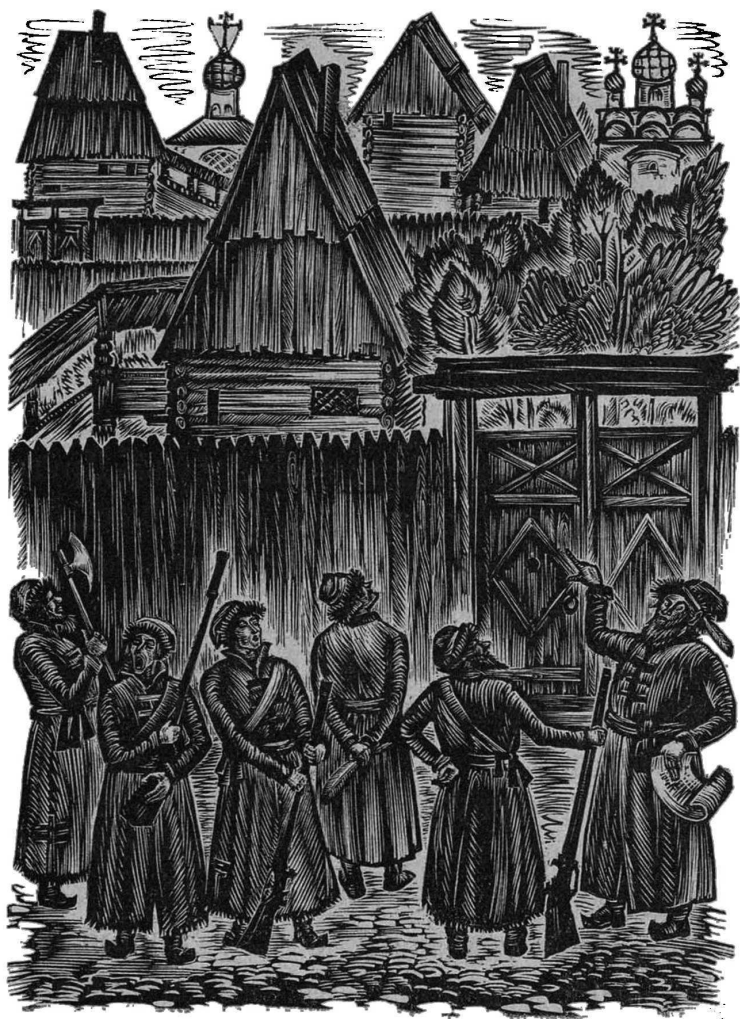

Подошли к воротам, а тут как раз калитка отворилась. Навстречу им мужик выходит, борода лопатой, лицо широкое, красное. На голове бочонок, в руке жбан. Увидал подъячих — остановился.

— Это что ль попа Силантья двор? — спросил старший подъячий.

— Попа Силантья, как есть, — ответил мужик. — Вон и сам он на крыльцо вышел. Кликнуть что ль?

— погоди. Нам попа не надобно. А ведаешь ты, живет тут, во дворе, лекарь, Ондрейка Федотов?

Мужик поставил на землю бочонок и жбан и радостно хлопнул себя по бедрам.

— Ондрейка! Да как мне не ведать? Другой год под им в подклети живу. А он, стало быть, в клети. И с жонкой, с Оленкой. Квас у меня завсегда покупывает. Лекарь он точно.

Поп тоже подошел поближе и с опаской поглядывал на подъячих. Бог их ведает, за каким делом. А вряд ли за добрым.

Подъячий повернулся к попу.

— У тебя что ль, поп, тот Ондрейка избу сымает?

— Летошний год после большого пожара снял. И поручная¹ у меня по ем есть. Без поручной я жильцов не пускаю. Може, принести?

¹ Поручительство, что жилец не украдет, не подожжет и будет платить условленную плату. Давали поручную за своими подписями бояре или кушцы, известные в городе.

— Не надобно.

— Аль дурно за им какое объявилось? Ране и не ведал его. С Китай-города торговый человек летошний год прислал мне его и с поручной со своей.

Квасник все на месте топтался, головой качал. Наконец не стерпел.

— Да ты меня спроси, — обратился он к подъячему. — Я про его все доподлинно ведаю. Что хошь расскажу.

Младший подъячий толкнул другого в бок и захохотал:

— Вишь, набивается! Что ж, Бориско, заберем и его. Коль ему такая охота припала.

— Куда заберешь? — осекся квасник.

— А в Приказ ¹, в послухи ². Там про того Ондрейку и сказывать станешь, коль ты все его дела ведаешь. Как звать-то тебя?

— Пошто в Приказ? Я тебе тотчас все скажу. Прощкой меня-то звать. Охабкин по прозванью. Квасник я. Да меня вся слобода знает. Квас у меня ото всех отменный.

— Ладно, — оборвал его подъячий. — Помалкивай покуда. В Приказе сказывать будешь. Эй, робята, обратился он к стрельцам. — Покарауйте его. А ты, поп, води нас к тому Ондрейке Федотову.

¹ Приказами назывались правительственные учреждения. Здесь говорится о Разбойном приказе, где судили воров, разбойников, колдунов.

² Послух — свидетель.

Два стрельца схватили за плечи квасника.

— Да ты, погодь, — говорил Прошка. — Послухай ты меня...

Но подъячие не слушали его больше. Поп вел их через двор к дальней избе.

— Вон и хозяйка его, Олена, — сказал поп, и показал высокую костистую женщину, сходявшую с крыльца с ведром. — Олена! — крикнул он. — Ондрейка где? По ем тут вон пришли.

— Пошто по ем? — с испугом спросила она. — Спит Ондрейка. Не будила еще. А пошто?

— Велено его в Разбойный приказ привести, — сказал подъячий.

— В Разбойной! — крикнула Олена. — Да ты с ума сбред! Чай не вор он, не душегуб. Лекарь ведомый. Не дам я Ондрейку.

— То-то дура баба, — проговорил подъячий. — Спросили тебя? Сказано приводом привести, стало быть, приведем.

— Ты, Олена, не того, не перечь лутче, — заговорил поп. — То приказные люди. По государеву указу они. А государева указа послушаться — то грех. А, може, дурна-то никакого и не будет. Поспрошают лишь Ондрейку да домой и пустят. А по какому то делу, дозвошь спытать?

— В Приказе сведаешь, — сказал старший подъячий. — Тебя тож велено забрать. В послухи.

Олена тем временем быстро взбежала по лестнице. Подъячие и поп шли за ней следом.

Войдя в горницу, Олена бросилась к лавке, где, накрывшись охабнем ¹, спал Ондрейка.

— Ондреюшка! — крикнула она. — Вставай, по тебе пришли.

— От Одоевского князя что ль? — спросил лекарь, быстро сядя на лавке.

— Пошто от Одоевского. Чай помер княжич-то. Вишь, приказных нанесло.

Ондрей быстро спустил ноги с лавки и стал натягивать сапоги.

Старший подъячий, как вошел, оглянул горницу. Все как у людей. Бедно лишь. На лавке под окнами и полавочников ² нет. Голые доски. Лампадка перед иконами теплится. А на поставле в углу, где б горшкам да плошкам стоять, скляницы разные наставлены да белеет что-то, не то камни, не то кости — темновато еще, не разобрать.

— Ты что ль Ондрейка Федотов, лекарь? — спросил подъячий.

— Лекарь я. То так. Аль занедужил чем?

Второй подъячий снова захохотал:

— Занедужил! Сам, мотри, не занедужай! В Приказе-то чай все косточки переберут.

Ондрейка смотрел на подъячих, не вставая с лавки. Волосы на голове у него спутались, борода слежалась на сторону.

¹ Верхняя широкая суконная одежда.

² У людей побогаче лавки покрывались кусками сукна, называвшимися полавочниками. У богатых полавочники бывали и из шелка или парчи.

— Вставай ин скорей. Тотчас велено в приказ доставить, — сказал сердито старший подъячий.

— В приказ? — спросил Ондрейка. — Пошто? Може, посла? К соседке я посулил утром быть рано. Что не разбудила меня, Олена? — обратился он к жене. — Мальчонка шибко занедужил у ей, вовсе ножки отнялись.

— Сказано — в Разбойной приказ велено тебя привести. Какой мальчонка? Дурень прямой! В толк не возьмешь! Эй, робята, — сказал подъячий стрельцам, топтавшимся в дверях. — Вяжите ему руки.

— Пошто вязать? — крикнула Олена. — Лиходеи вы! Убегёт он что ль? Ондреюшка, родной мой! Отколь напасть такая? Аль поклеп кто взвел? Батюшка! Заступи хоть ты. Чай ведаешь. Дурна за им никакого нету.

— Как мне ведать, Олена? Моя изба чай не близко.

— Гони, гони его скорей, — торопил подъячий. — Чего зря язык трепать? И ты, поп, с нами подь, в Приказ.

— Я что ж... Я, как велено... — заговорил поп. Стрельцы уже закрутили Ондрейке сзади руки и погнали его в дверь. Олена шла за ним, утирая слезы. Сошли с лестницы.

— Ну, и гони скорей. Кажись, всё, — сказал подъячий и заглянул в свиток ¹. — Э! — проговорил

¹ В то время писали на полосах бумаги вершка 4 в ширину. Полосы склеивали друг с другом, так что получались длинные полосы, иногда в несколько аршин, и их свертывали трубочкой. Такая трубочка называлась свитком.

он. — Запомятовал было вовсе. Тут про ученика про ево писано, про Афоньку Жижина. Тоже чтоб взять. У тебя что ль живет Афонька тот? — спросил он Ондрейку.

Но Ондрейка стоял на крыльце, свесив на грудь лохматую голову, словно и не слышал ничего.

— У нас, — проговорила нехотя Олена.

— Где ж он?

— А послала я его поутру в ране дров нарубить. С той поры и не видала.

— А вон он в крапиве хоронится, — сказала толстая баба, которая стояла рядом с квасником. — Как стрельцов завидел, так и схоронился.

У самого забора, в густой рыжей крапиве проглядывала белая рубаха.

— Эй, ты, Афонька! — крикнул подъячий. — Вылазь что ль.

В крапиве не шелохнулось.

— Волоки его, ребята, — сказал подъячий стрельцам. — То-то дурень! Гадает, не видать его.

Трое стрельцов побежали к забору, раздвинули пищалями крапиву. Там на корточках, весь съезжившись, засунув голову между колен, сидел парень в белой рубахе, босой.

Стрельцы схватили его, встряхнули и выволокли из крапивы. Парень ревел, упирался, дрожал всем телом.

Кругом захохотали. Во двор набралось за то время много народа со слободы. Каждому охота

была узнать, чего к попу Силантью целое войско нашло. Может, какой лихой человек забрался да и забился куда, благо двор просторный, да и строений не мало.

— Ты что ль Афонька? — спросил парня подъячий.

Но Афонька только зубами стучал, слова вымолвить не мог.

— Да самый он и есть Афонька, — заговорила опять толстая баба. — Ведомый вор. Намедни курицу у меня уволок. Тать прямой. Видно хозяин-то добру научает. Тоже лекарь зовется!

— Ты погоди, Мавра, — перебил квасник. — Я сам все про его, про Ондрейку, рассказывать буду. Я....

— Помалкивай ты, — оборвал его подъячий. — Сказано, в приказе спрос тебе будет. Вяжи парня, ребята. Да и бабу-то прихватить надобно, что про ево молвила. Чья та баба?

— А моя хозяйка, Мавра, — заговорил опять квасник Прошка. — Да чего она понимать может? Баба! Я сам все скажу. Я про все дела ондрейкины доподлинно ведаю. Ты меня спроси. Я под им...

— Уймись ты, балда. Не переслушаешь! Гоним их, ребята. Поздо чай. Ободняло вовсе.

— Эй, ты, плакун! — крикнул веселый подъячий Афоньке. — Кафтан-то у тебя есть? Вишь, колотит тебя. Мотри, из рубахи не выпрыгни.

— А вон кафтан ево, — сказала толстая баба. — Коло дров, где рубил.

Один стрелец добежал до дров, поднял обтрепан-

ный кафтан и накиннул его на плечи парню поверх связанных назади рук.

— Пошли что ль, — нетерпеливо сказал старший подъячий.

Стрельцы пинками погнали Ондрейку с Афонькой и квасника с женой.

Поп степенно шагал рядом с подъячими. Олена с плачем ухватила за шею мужа. Стрельцы оторвали ее и пихнули назад.

— Вишь баба непутевая! Сама в приказ захотела. Пошла прочь!

— Лиходеи! — крикнула Олена сквозь слезы. — Пропasti на вас нету! Ты не кручинься, Ондреюшка. Я про тот поклев разведаю. Вызволю тебя. Нет за им никакой вины, люди добрые — крикнула она, торопясь за стрельцами.

ГОСУДАРЕВО СЛОВО

Соседи, которые набрались во двор к попу Силантью, тоже высыпали на улицу следом за приказными.

— Вишь болезный! — жалобно запричитала одна баба, глядя на Афоньку. — Несмысленный как есть парень. Ревет! Гляди, пытать будут!

— Баба дура и есть, — сказал сердито старик. — Нашла кого жалеть? Да ты ведаешь, кого в Разбойный приказ водют? — душегубов да колдунов. А Ондрейка-то лекарем слыл. Ведомо, — что лекарь, что колдун одна статья.

— Може, и впрямь колдуны? — проговорил кто-то.

— Колдуны, родимые, колдуны,—запела горбатая старушенка с кошелем. — Вы меня послушайте. Мне Улька кума про все их воровство и ведовство сказывала. Лекарь тот — самый злой колдун и есть. Беси к нему ходют. Он их на кого хошь напускает. Сказывала Улька, она его еще на Смоленске городе знавала. Сколь много людей он там, сказывала, извел — не перечесть. Гадал и на Москве тем же обычаем промышлять. Да, вишь, Москва-те не Смоленск! Как почал, сказывает, бесов скликать да людей портить...

— Ну, завела, старая! Людей портить! А каких? Ведаешь? Може, ты и сама-то ведьма. Вишь, полон кошель трав да кореньев.

— Ах, ты, жбанная затычка! — заверещала старуха. — Ты как можешь такое слово молвить! Ведьма! Слышите, люди добрые, как лается пес. Я те покажу ведьму!

— Ну, ну, ладно, бабка, сама не лайся. Може, и впрямь лишнего наклепала?

— Ан, не наклепала! Я про того колдуна и не такое ведаю. Слово лишь молвлю — так ему голову и снесут!

— Похваляешься, бабка. Ври да не завирайся.

— Ан не похваляюсь! Я за им, може, государево слово ¹ ведаю...

¹ «Государево слово» или «государево слово и дело» говорил человек, который знал, что кто-нибудь сделал или замыслил что-нибудь против царя. В таких случаях и обвиняемого, и доносчика, и всех свидетелей тащили в приказ.